УДК 94(517.3+571.5)
ББК 63.3(5Мон)5+63.3(2Рос-16)
DOI 10.31554/2222-9175-2018-32-204-206

Е. И. Лиштованный

ЕЩЕ РАЗ О ПАНМОНГОЛИЗМЕ

Рецензия на книгу: Л. В. Курас «Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века» [монография] / рук. проекта, отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. Ц. П. Ванчикова. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 188 с.

E. I. Lishtovannyi

PAN-MONGOLISM REVISITED

The review on the book: L. V. Kuras “Pan-mongolism as manifestation of ethnicity of the mongolian world in the first quarter of the XX century” [monograph] / main editor B. V. Bazarov; scientific editor Ts. P. Vanchikova. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – 188 p.

Панмонголизм как этнокультурный и политический феномен по-прежнему находится в поле зрения историков-монголоведов, философов, политологов, специалистов в области национально-государственного строительства. В новом труде профессора Л. В. Кураса панмонголизм предстает в виде проявления этничности монгольского мира в первой четверти XX в.

Примечательно, что автор уходит от подробного анализа литературы по теме (лишь мазками касаясь этого традиционного для исследователей раздела в предисловии) и в основу научного поискового импульса закладывает произведение Вл. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории с включением краткой повести об антихристе и с приложениями к ней» – самое «загадочное», по мнению автора, произведение, опубликованное основателем русского символизма за несколько месяцев до своей смерти (с. 8).

Именно подходы Вл. Соловьева Л. В. Курас обозначил в названиях параграфов первого раздела своей работы, в

котором анализирует истоки панмонголизма – «Краткая повесть об антихристе», «Желтая опасность» и проект «Желтороссия» и «Агония цивилизации». Один из основополагающих соловьевских посылов, раскрывающих корни панмонголизма, автор видит в его утверждении о «проснувшейся» после Мэйдзи исин Японии, способной подтолкнуть к «пробуждению» и другие страны Азии, в особенности Китай (с. 10). В том или ином звучании эта идея воспроизводилась и у других выдающихся представителей российской общественной мысли того времени – В. Брюсова, М. Волошина, А. Белого и др.

Действительно, события Мэйдзи исин, случившиеся во второй половине XIX в., вовлекли страну, находившуюся в течение веков в изоляции и не имевшую опыта международного общения, в водоворот сложнейших противоречий XX в. в Восточной Азии. После пробы мускулов в войне с Китаем в середине 90-х гг. XIX в. Япония мощно заявила о себе в русско-японской войне 1904–1905 гг. Во внезапно открывшейся миру стране, не

обладающей геополитическими знаниями и не искушенной в хитросплетениях тогдашней мировой политики, начинают культивироваться мессианские взгляды. Кстати, этот процесс хорошо показан в Записках одного из видных японских военачальников, впервые вышедших недавно на русском языке [Томиока Садатоси 2016]. В концепции внешней политики Японии начинает формироваться фундаментальная идея необходимости военной экспансии как на континент, так и в океаническое пространство [Лиштованный 2017: 92–93].

Во втором разделе исследования – ««Культурный» панмонголизм, или Романтики начала XX в.» Л. В. Курас уделяет внимание национальному движению в Забайкалье в начале века, вопросам устройства территориально-культурной автономии, через призму панмонголизма рассматривает развернувшуюся дискуссию о перспективах развития бурятского языка. Как справедливо подмечает автор, в этот период панмонголизм не только приобретает форму паназиатской идеи, но и обретает ресурс политической мобилизации, который различные структуры начинают использовать как инструмент достижения определенных политических целей (с. 14). В среде бурятских национальных демократов, пишет Л. В. Курас, сложилось 2 взгляда на проблему национально-государственного строительства – прозападное и собственно национальное (с. 19).

Безусловно, особое место в вопросах поиска единения монголоязычных народов занимали дискуссии по языковой проблеме. Аккумулируя достижения обширной отечественной историографии по данной теме, автор выделяет, как минимум, 3 точки зрения: 1) ученого и общественного деятеля М. Н. Богданова, сомневавшегося в том, что бурятский язык сможет завоевать широкую аудиторию; 2) монголоведа и этнографа Ц. Жамцарано, ратовавшего за создание единого монголо-бурятского алфавита; 3) ученого-востоковеда Б. Барадина, видевшего выход в реформе архаичной старомон-

гольской вертикальной письменности на основе латиницы. Дискуссия о перспективах развития бурятского языка становится базовым элементом будущего национально-государственного строительства.

Третий и четвертый разделы исследования Л. В. Кураса посвящены сюжетам из истории практического применения панмонгольской идеи в Бурятии и Монголии. Показана роль монгольского духовного лидера VIII Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты, значимость Тройственного кяхтинского соглашения 1915 г. в достижении будущей независимости Внешней Монголии. Особое внимание уделено взглядам атамана Семёнова и барона Унгерна фон Штернберга в связи с их попытками на практике построить Великое монгольское государство и Срединное государство (с. 50–62).

В пятом, заключительном, разделе под названием «Панмонголизм и демократическая государственность» автор, размышляя над попытками реализовать панмонгольскую идею в рамках Дальневосточной республики (ДВР), подходит к анализу сценария развития мировой революции в Азии. Подчеркивается, что с упразднением ДВР начался процесс строительства общепанмонгольской автономии, а бурятская этничность начала формироваться не на панмонгольской, а на советской основе (с. 73).

Совершенно отдельного внимания заслуживают привлеченные автором документы. Они представлены в восьми приложениях и в определенной степени помогают читателю сориентироваться в сложнейшем процессе развития панмонгольской идеи в теории и на практике.

В целом исследование Л. В. Кураса является добротным экскурсом в историю панмонголизма, повлиявшего как на становление монгольской государственности после победы Синьхайской революции, так и на строительство бурятской автономии вначале в царской, а затем и в советской России. Безусловно, монография будет с интересом воспринята как специалистами, так и всеми, кто интересуется историей родного края.

Литература

Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны / пер. с англ. Ю. М. Свойского / Садатоси Томиока. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 416 с.

Лиштованный Е. И. Армия традиционно считала потенциальным врагом Японии советскую Россию, в то время как флот считал главной угрозой безопасности Японии Соединенные Штаты: рец. на кн. Томиока Садатоси «Политическая стратегия Японии до начала войны» / Е. И. Лиштованный // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 5. – С. 92–93.

References

Tomiooka Sadatosi. Politicheskaya strategiya Yaponii do nachala vojny / per. s angl. Yu. M. Svojskogo / Sadatosi Tomioka. – M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2016. – 416 s.

Lishtovannyj E. I. Armiya tradicionno schitala potencial'nym vragom Yaponii sovetskuyu Rossiyu, v to vremya kak flot schital glavnoj ugrozoy bezopasnosti Yaponii Soedinennye Shtaty: rec. na kn. Tomioka Sadatosi «Politicheskaya strategiya Yaponii do nachala vojny» / E. I. Lishtovannyj // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 2017. – No. 5. – S. 92–93.